

Х.Т. Бускле

**История цивилизации в
Англии**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
X11

X11 **Х.Т. Бускле**
История цивилизации в Англии: Том 1 / Х.Т. Бускле – М.: Книга по Требованию,
2021. – 626 с.

ISBN 978-5-518-10135-7

ISBN 978-5-518-10135-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Обзоръ вспомогательныхъ средствъ для изученія исторіи. Доказательства правдыности человѣческихъ дѣйствій. Дѣйствія эти управляются духовными и физическими законами, отчего необходимо изученіе и тѣхъ и другихъ, и не можетъ быть исторіи безъ естественныхъ наукъ.

Изъ всѣхъ главныхъ отраслей человѣческаго знанія наиболѣе было писано по отдѣлу исторіи, которая всегда пользовалась самою большою популярностью. И всѣ повидимому, того мнѣнія, что успѣхъ историковъ соответствовалъ вообще ихъ трудолюбію и что, если много изучали этотъ предметъ, то многое и разгадали въ немъ.

Эта увѣренность въ достоинствѣ исторіи чрезвычайно распространена, что мы видимъ изъ того, какъ много ее читаютъ и какое мѣсто она занимаетъ во всѣхъ системахъ воспитанія. И нельзя не согласиться, что, съ извѣстной точки зрѣнія, такая увѣренность совершенно извинительна; нельзя не согласиться, что собраны такіе матеріалы, которые, разсматриваемые въ совокупности представляютъ зрѣлище богатое и внушающее уваженіе. Политическія и военныя дѣтисія всѣхъ значительныхъ странъ Европы и бѣльшей части странъ, лежащихъ внѣ Европы, тщательно собраны, слиты въ приличную форму и довольно хорошо изслѣдованы относительно лежащей въ основаніи ихъ достовѣрности. Большое обращено вниманіе на исторію законодательства, а также на исторію религіи; въ то же время употребленъ значительный, хотя меньшій, трудъ на изслѣдованіе успѣховъ науки, лате-

ратуры, изящныхъ искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и, наконецъ, нравовъ и удобствъ жизни народа. Для бѣльшого ознакомленія насъ съ прошедшимъ, разсмотрѣны всякаго рода древности: разрыты мѣстности древнихъ городовъ, открыты и разобраны монеты, списаны надписи, возобновлены алфавиты, разгаданы іероглифы и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возсозданы и возстановлены давно забытые языки. Открыты нѣкоторые, изъ законовъ, управляющихъ измѣненіями человѣческой рѣчи и открытіе это, въ рукахъ филологовъ, послужило къ уясненію самыхъ темныхъ періодовъ раннихъ переселеній народовъ. Политическая экономія, возведенная на степень науки, пролила значительный свѣтъ на причины того неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое служитъ самымъ обильнымъ источникомъ общественнаго неустройства. Статистика такъ тщательно разработана, что мы имѣемъ самыя обширныя свѣденія не только о матеріальныхъ интересахъ людей, но и объ ихъ нравственныхъ особенностяхъ, какъ-то: объ итогѣ различныхъ преступленій, о пропорціи, въ какой они находятся одни къ другимъ, и о вліяніи на нихъ возраста, пола, воспитанія и т. п.

Отъ этого великаго движенія не отстала и физическая географія: записаны климатическія явленія, измѣрены горы, начерчено теченіе рѣкъ, которыя изслѣдованы до истоковъ; всякаго рода естественныя произведенія тщательно изучены и раскрыты ихъ сокровенныя свойства; между тѣмъ, химически разложены всѣ роды пищи, поддерживающей жизнь, сочтены и свѣшены ея составныя части и, во многихъ случаяхъ, приведено въ достаточную извѣстность свойство связи, въ которой они находятся съ человѣческимъ организмомъ. Въ то же время, чтобы ничего не упустить изъ виду, что только можетъ расширить познанія наши во всемъ, касающемся до человѣка, начаты обстоятельныя изысканія и по многимъ другимъ отраслямъ. Такъ, относительно самыхъ образованныхъ народовъ, намъ извѣстны въ настоящее время пропорціи смерт-

ности, браковъ, рожденій, роды занятій, колебанія въ задѣльной платѣ и въ цѣнахъ на необходимыя жизненныя потребности. Эти и подобные имъ факты собраны, приведены въ систему и готовы для употребленія. Такіе выводы, которые составляютъ какъ-бы анатомію народа, замѣчательны по своей крайней точности; къ нимъ же присоединены другіе, менѣе точныя, но болѣе обширныя. Не только записаны дѣйствія и характеристическія черты великихъ народовъ, но огромное число различныхъ племенъ, во всѣхъ частяхъ извѣстнаго свѣта, посѣщены и описаны путешественниками, такъ что мы можемъ сравнивать состояніе рода человѣческаго на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи и при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Если мы прибавимъ къ этому, что любопытство, возбуждаемое въ насъ нашими собратіями, повидимому неасытимо, что оно постоянно возрастаетъ, что возрастаютъ также и средства удовлетворенія его и что бѣльшая часть сдѣланныхъ наблюденій еще сохраняются, то всетаки получимъ слабое понятіе о громадной цѣнности той обширной массы фактовъ, которою мы уже обладаемъ и съ помощью которой должно изучать ходъ развитія человѣчества.

Но еслибъ, съ другой стороны, мы стали описывать употребленіе, сдѣланное изъ этихъ матеріаловъ, то намъ пришлось бы изобразить совсѣмъ другую картину. Печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣніемъ, но едва-ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія, необходимость обобщенія допускается всѣми и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлію открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только рассказывать факты; по временамъ оживляя ихъ такими политическими и

нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными. По такой теоріи, любому писателю, который, по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стоить только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его станетъ авторитетомъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе.

Установленіе такого узкаго мѣрила повело къ послѣдствіямъ весьма вреднымъ для успѣховъ нашего знанія. Благодаря этому обстоятельству, историки, какъ корпорація, никогда не признавали необходимости такого обширнаго предварительнаго изученія, которое давало бы имъ возможность обхватить свой предметъ во всей цѣлости его естественныхъ отношеній. Отсюда странное явленіе, что одинъ историкъ невѣжда въ политической экономіи, другой не имѣетъ понятія о правѣ, третій ничего не знаетъ о дѣлахъ церковныхъ и перемѣнахъ въ убѣжденіяхъ, четвертый пренебрегаетъ философію статистики, пятый естественными науками, между тѣмъ, какъ эти предметы имѣютъ самую существенную важность въ томъ отношеніи, что они объемлютъ главныя обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на нравъ и характеръ человѣчества и въ которыхъ проявляются этотъ нравъ и этотъ характеръ. Эти важные предметы, будучи разрабатываемы одинъ однимъ, другой другимъ человѣкомъ, скорѣе раздѣлились, чѣмъ соединялись; помощь, которую могли бы оказать аналогія и взаимное уясненіе одного предмета другимъ, терялась и не было видно ни малѣйшаго побужденія сосредоточить всѣ эти предметы въ исторіи, которой, собственно говоря, они составляютъ необходимые элементы.

Правда, что съ первой половины XVIII столѣтія появилось нѣсколько великихъ мыслителей, которые оплакивали отсталость исторіи и сдѣлали все, что могли, чтобы пособить

этому злу. Но случаи эти были чрезвычайно рѣдки, такъ рѣдки, что во всей литературѣ Европы найдется не болѣе трехъ или четырехъ истинно оригинальныхъ сочиненiй, проявляющихъ систематическое стремленiе къ изученiю исторiи челоѣка, по тѣмъ изчерпывающимъ методамъ, которые были примѣнены съ такимъ успѣхомъ къ другимъ отраслямъ знанiя и которые одни даютъ возможность возвести эмпирическiя наблюденiя на степень научныхъ истинъ.

Начиная съ XVI столѣтiя и особенно въ теченiе послѣднихъ ста лѣтъ, замѣчаемъ мы вообще у историковъ разные признаки болѣе обширнаго взгляда и рѣшимости вводить въ свои сочиненiя такiя предметы, которые они прежде исключили бы изъ нихъ. Вслѣдствiе этого, содержанiе ихъ сочиненiй стало разнообразяѣе и самое уже собранiе въ нихъ и соотвѣтственное расположенiе параллельныхъ фактовъ вводило иногда на такiя обобщенiя, какихъ мы не можемъ найти ни малѣйшаго слѣда въ ранней литературѣ Европы. Это былъ большой выигрышъ, въ томъ отношенiи, что историки, освоившись съ болѣе обширною сферою мышленiя, стали смѣлѣе предаваться тѣмъ умозрѣнiямъ, которыя хотя и употребляютъ иногда во зло, но составляютъ существенное условiе всякаго истиннаго знанiя, ибо безъ нихъ не можетъ быть построена никакая наука.

Но не смотря на то, что стремленiя исторической литературы въ настоящее время конечно утѣшительнѣе, чѣмъ были въ какой ^{иногда} либо изъ предшествовавшихъ вѣковъ, должно сознаться, что, за весьма немногими исключенiями, это только одни стремленiя и что до сихъ поръ едва-ли было что сдѣлано для открытiя началъ, управляющихъ характеромъ и судьбою народовъ. То что было дѣйствительно сдѣлано, я стараюсь оцѣнить въ другой части этого введенiя, теперь же достаточно сказать, что, для всѣхъ высшихъ цѣлей челоѣческаго мышленiя, исторiя еще жалко несостоятельна и представляетъ безпорядокъ и неустройство, свойственные пред-

мету, законы котораго неизвѣстны и самое основаніе котораго еще не установлено (').

При столь неполномъ знакомствѣ нашемъ съ исторіею, не смотря на такое изобиліе матеріаловъ, слѣдуетъ, кажется, желать, чтобы что нибудь было предпринято въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предпринималось до сихъ поръ, и чтобы сдѣлано было энергическое усиліе поднять эту великую отрасль изслѣдованія на одинъ уровень съ другими и дать намъ возможность удержать равновѣсіе и гармонію въ нашемъ знаніи. Въ этомъ духѣ и было задумано настоящее сочиненіе. Совершенное выполненіе задуманнаго невозможно, тѣмъ не менѣе я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка что нибудь равносильное или по крайней мѣрѣ, сходное съ тѣмъ, что было сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естественныхъ наукъ. Въ природѣ, явленія, повидимому, самыя неправильныя и случайныя были объяснены и подведены подъ извѣстные неизмѣнныя и общіе законы. Это произошло отъ того, что люди съ дарованіями и, что важнѣе всего, терпѣливыя и неутомимые мыслители, изучали физическія явленія съ цѣлью открыть въ нихъ правильность; еслибъ было обращено такое же вниманіе и на явленія въ жизни людей, то мы были бы въ полномъ правѣ ожидать подобныхъ результатовъ. Ибо ясно, что тѣ, которые утверждаютъ, будто историческіе факты не способны къ обобщенію, принимаютъ за рѣшенное дѣло то, что составляетъ еще вопросъ. Они дѣлаютъ еще лучше: они утверждаютъ то, что не въ силахъ доказать, и что, при настоящемъ состояніи знанія, даже въ высшей степени неправдоподобно. Всякій, кто

(') Одинъ изъ современныхъ намъ писателей, сдѣлавшій болѣе чѣмъ кто-либо для поднятія уровня исторіи, отказывается съ презрѣніемъ о „безсвязномъ наборѣ фактовъ, несвойственно называемомъ *Исторіею*“. Comte, *Philosophie Positive*, vol. V. p. 18. Въ методѣ и выводахъ этого большаго сочиненія есть многое, съ чѣмъ я не могу согласиться, но было бы несправедливо отрицать его необыкновенныя достоинства.

сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій, долженъ былъ замѣтить, что каждое поколѣніе открывало правильность и возможность предсказанія какихъ-нибудь событій, почитавшихся въ предшествовавшемъ поколѣніи неправильными и непредвидимыми. И такъ успѣхи цивилизаціи ведутъ явнымъ образомъ къ подкрѣпленію нашего вѣрованія въ существованіе во всемъ порядкѣ, метода и закона. Изъ этого слѣдуетъ, что если какіе нибудь факты или разряды фактовъ еще не были подведены подъ правило, то мы далеко не можемъ объявлять ихъ неподходящими подъ правило, а должны скорѣе допустить, руководствуясь предшествовавшими опытами, что то, что мы называемъ теперь необъяснимымъ, будетъ, по всей вѣроятности, объяснено со временемъ. Это ожиданіе открыть правильность среди беспорядка до такой степени сродно людямъ ученымъ, что у замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ оно переходитъ въ вѣрованіе, и если мы не встрѣчаемъ того же вообще у историковъ, то должны приписать это частью ихъ меньшему знавію дѣла, сравнительно съ естествоиспытателями, частью же большей сложности общественныхъ явленій, составляющихъ предметъ ихъ изученія.

Объ эти причины замедляли зарожденіе науки исторіи. Знаменитѣйшіе историки стоятъ очевидно ниже искуснѣйшихъ естествоиспытателей: ни кто изъ людей, посвящавшихъ себя исторіи, не можетъ быть сравненъ по уму съ Кеплеромъ, Ньютономъ и др. ⁽²⁾ Между тѣмъ, со стороны большей сложности изучаемыхъ явленій, историкъ философъ встрѣчаетъ трудности гораздо страшнѣе тѣхъ, съ которыми борется естествоиспытатель, потому что, съ одной стороны въ его наблюденіяхъ болѣе возможны ошибки, происходящія отъ

(2) Я говорю только о тѣхъ, которые избрали исторію главнымъ предметомъ своихъ занятій. Бэконъ писалъ о ней, но лишь какъ о второстепенномъ предметѣ, и ясно, что она далеко не стояла ему того размышленія, какое онъ посвящалъ другимъ предметамъ.

предубѣжденія и страсти, съ другой же, онъ не располагаетъ великимъ физическимъ пособіемъ опыта, съ помощью котораго мы часто бываемъ въ состояніи упростить самыя запутанныя задачи въ области внѣшняго міра.

По этому, не удивительно, что изученіе явленій въ жизни человѣка находится еще въ младенчествѣ, сравнительно съ успѣхами изученія явленій природы. И въ самомъ дѣлѣ, различіе между успѣхами этихъ двухъ изученій такъ велико, что въ естественныхъ наукахъ правильность явленій и возможность предсказанія ихъ часто признаются несомнѣнными даже въ случаяхъ, еще не подвергавшихся повѣркѣ, между тѣмъ, какъ въ исторіи подобная правильность не только не признается впередъ доказанною, но положительнымъ образомъ отвергается. Отсюда происходитъ, что всякій, кто желалъ бы поднять исторію на одинъ уровень съ другими отраслями знанія, встрѣчаетъ съ перваго шага препятствіе: ему говорятъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ есть нѣчто таинственное, роковое, дѣлающее ихъ непроницаемыми для нашихъ изслѣдованій и навсегда заслоняющее отъ насъ ихъ дальнѣйшій ходъ. На это достаточно было бы отвѣчать, что такое положеніе произвольно, что оно, по самому существу своему, не можетъ быть доказано и что, кромѣ того, ему противорѣчитъ тотъ разительный фактъ, что во всякомъ другомъ изученіи, увеличеніе знанія сопровождается усиленіемъ увѣренности въ однообразіи, съ какимъ, при тѣхъ же условіяхъ, должны слѣдовать одно за другимъ тѣ же явленія. Но лучше будетъ, если мы вникнемъ поглубже въ это затрудненіе и прямо изслѣдуемъ основаніе обыкновенно высказываемаго мнѣнія, будто исторія должна остаться въ своемъ теперешнемъ эмпирическомъ состояніи и никогда не можетъ быть возведена на степень науки. Мы придемъ такимъ образомъ къ одному важному вопросу, лежащему въ основаніи всего этого дѣла, а именно: управляются ли дѣйствія людей, а слѣдовательно и общество, неизмѣнными законами, или же они составляютъ

результатъ случая или сверхъестественнаго вмѣшательства? Разборъ этихъ двухъ предположеній поведетъ насъ къ нѣкоторымъ умозрѣніямъ, не лишеннымъ интереса.

Объ этомъ предметѣ есть два ученія, которыя повидимому представляютъ собою различныя ступени цивилизаціи. По первому, каждое событіе составляетъ нѣчто отдѣльное, изолированное и разсматривается какъ результатъ слѣпаго случая. Мнѣніе это, весьма естественное въ совершенно невѣжественномъ народѣ, вскорѣ поколебалось бы съ приобрѣтеніемъ извѣстной опытности, приводящей къ познанію того однообразія въ послѣдовательности и совпаденіи явленій, которое постоянно представляется въ природѣ. Еслибы, напримѣръ, кочующія племена, обнаруживающія никакихъ признаковъ цивилизаціи, жили исключительно охотою и рыбною ловлею, то они легко могли бы предположить, что появленіе необходимой для нихъ пищи было результатомъ какого нибудь случая, не подлежащаго никакому толкованію. Непостоянство въ снабженіи ею и кажущаяся произвольность появленія ея то въ изобиліи, то въ скудномъ количествѣ, мѣшали бы имъ заподозрѣть въ дѣйствіяхъ природы нѣчто въ родѣ метода; умъ ихъ не могъ бы даже постичь тѣхъ общихъ началъ, которыми подчиняется порядокъ явленій и познаніе которыхъ даетъ намъ часто возможность предсказать будущій ходъ этихъ явленій. Но когда такія племена переходятъ къ занятію земледѣліемъ, то они впервые начинаютъ употреблять пищу, которой не только появленіе но и самое существованіе составляетъ, повидимому, результатъ ихъ собственной дѣятельности. Они что сѣютъ, то и жнутъ. Снабженіе ихъ необходимыми предметами пищи приходитъ въ болѣе непосредственную зависимость отъ ихъ самихъ и становится болѣе осозательнымъ послѣдствіемъ ихъ собственнаго труда. Они видятъ опредѣлительный планъ и правильное однообразіе послѣдствій изъ того отношенія, въ которомъ находится влагаемое ими въ почву сѣмя къ вырастающему изъ него ко-

лосу. Они получаютъ теперь возможность смотрѣть на будущее, если еще не съ полною довѣренностью, то всетаки съ бѣльшимъ довѣріемъ, чѣмъ нитали къ нему при своихъ прежнихъ, менѣе надежныхъ, промыслахъ ⁽³⁾. Тутъ уже возникаетъ смутное понятіе о постоянствѣ явленій и впервые зарождается въ умѣ слабое представленіе того, что въ позднѣйшее время получаетъ названіе законовъ природы. Съ каждымъ шагомъ на пути развитія, возрѣвіе людей на этотъ предметъ становится яснѣе. Обогащаясь наблюденіями и расширяя сферу своихъ опытовъ, они встрѣчаютъ такое однообразіе, какого никогда и не подозрѣвали, и открытіе это ослабляетъ то вѣрованіе въ случай, отъ котораго они первоначально исходили. Еще не много далѣе и уже проявляется вкусъ къ отвлеченному мышленію; тогда нѣкоторые изъ нихъ обобщаютъ сдѣланныя наблюденія и, презирая устарѣлое мнѣніе большинства, вѣрують, что всякое событіе находится въ неизбѣжной связи съ предшествовавшимъ ему, а это послѣднее тоже связано съ какимъ нибудь предыдущемъ фактомъ, и что такимъ образомъ весь міръ составляетъ необходимую цѣпь, въ которой каждый человѣкъ можетъ играть свою роль, не имѣя однако ни малѣйшей возможности впередъ угадать ее.

И такъ, при обыкновенномъ ходѣ развитія общества, усиливающееся пониманіе правильности природы испровергаетъ ученіе о случаѣ и замѣняетъ его ученіемъ о необходимой связи. И мнѣ кажется въ высшей степени правдоподобнымъ, что изъ этихъ двухъ ученій, о случаѣ и о необходимой связи, возникли позднѣе соответствующіе догматы свободы воли и предопредѣленія. Нетрудно также понять, какимъ образомъ должно было произойти это превращеніе въ болѣе развитомъ

⁽³⁾ Нѣкоторыя изъ нравственныхъ послѣдствій болшей обезпеченности въ средствахъ къ пропитанію замѣнены у Charles Comte, въ его *Traité de Legislation*, vol. II, pp. 273—275. См. также Mill's *History of India*, vol. I, pp. 180—181. Но оба эти даровитые писателя упустили изъ виду сказать, что эта перемена дѣлаетъ болше очевидною правильность явленій.